

ГЕННАДИЙ
НЕВЕЛЬСКИЙ

ПОДВИГИ РУССКИХ
ОФИЦЕРОВ
НА КРАЙНЕМ
ВОСТОКЕ РОССИИ
1849-55 ГГ.
ЧАСТЬ II

RUGRAM

Москва
2026

УДК 355/359
ББК 68.4
Н40

Невельский Г.И.

Н40 Подвиги русских офицеров на крайнем востоке России 1849-55 гг. Том 2/ Г.И. Невельский. — М. : RUGRAM, 2026 — 268 с. — (Военная летопись России).

ISBN 978-5-517-13582-7

«личные расчеты и опасения я считал не только неуместными, но даже преступными. Все мои сотрудники, одушевленные моей решительностью, готовы были на все лишения, трудности и опасности, которые нам готовил новый 1853-й год».

«Путь от истоков реки Амгуни до истоков реки Горин на пространстве более 180 верст был ужасно затруднителен и утомителен; мы по всему этому пустынному и дикому пути, где до нас не проходил ни один европеец, шли пешком на лыжах, по колена в рыхлом снегу и прокладывали дорогу для нарт, тянувшихся за нами с провизией и кормом для собак».

«Орлов и Бошняк были первыми и единственными лицами, которые астрономически определили истоки рек Уды, Тугура, Немилена, Амгуни и Горина, а также направление Хинганского хребта между 51 и параллелями... Они первые, таким образом, фактически доказали, что граница России с Китаем от верховья реки Уды идет не на восток-северо-восток к Охотскому морю, как до этого предполагали... а на юго-юго-запад».

УДК 355/359
ББК 68.4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13582-7

© RUGRAM, оформление, 2026
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. РАБОТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ЗИМЫ 1852/53 Г. И РАЗРЕШЕНИЕ ПОГРАНИЧНОГО ВОПРОСА.....	5
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ЗАНЯТИЕ КИЗИ И ДЕ-КАСТРИ. ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАЛИВЕ ХАДЖИ.....	18
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ЭКСПЕДИЦИЯ Н. К. БОШНЯКА НА ПОБЕРЕЖЬЕ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА	31
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДПИСАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА О ЗАНЯТИИ САХАЛИНА	46
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. УЧРЕЖДЕНИЕ ПОСТОВ В ЗАЛИВЕ ХАДЖИ И НА ВОСТОЧНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ САХАЛИНА	60
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ПОДГОТОВКА К САХАЛИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1853 ГОДА И ЗАНЯТИЕ ЮЖНОГО САХАЛИНА.....	67
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ИССЛЕДОВАНИЯ Д. И. ОРЛОВА НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ.....	88

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. НАЧАЛО ВОЙНЫ 1854–1855 ГГ. — ИССЛЕДОВАНИЯ Н. В. РУДАНОВСКОГО НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ.....	108
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ОТЧЕТ САМАРИНА О ПУТЕШЕСТВИИ ПО САХАЛИНУ. СООБРАЖЕНИЯ ОБ ОБОРОНЕ КРАЙНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....	129
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ПЕРВЫЙ СПЛАВ ПО АМУРУ	149
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ НИЗОВЬЕВ АМУРА.....	167
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ВТОРОЙ СПЛАВ ПО АМУРУ. ЗАКРЫТИЕ АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.....	185
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ В ПРИАМУРЬЕ. НАЗНАЧЕНИЕ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О РАЗГРАНИЧЕНИИ	221
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПОДПИСАНИЕ АЙГУНСКОГО И ТЯНЬЦЗИНСКОГО ТРАКТАТОВ. КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТ ЭКСПЕДИЦИИ.....	242

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ РАБОТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ЗИМЫ 1852/53 Г. И РАЗРЕШЕНИЕ ПОГРАНИЧНОГО ВОПРОСА

Прибытие в Петровское бота «Кадыак» и компанейского корабля. — Экспедиция Бошняка в Приамгуньский край 5 ноября 1852 года. — Донесение генерал-губернатору от 7 ноября 1852 года. — Письмо к нему. — Высочайшее повеление от 20 июня 1852 года. — Донесение генерал-губернатору от 4 декабря 1852 года о намерении занять Кизи и Де-Кастри. — Донесение Березина, Разградского и Бошняка. — Окончательное разрешение пограничного вопроса. — Исследование озер Самагиров и Чукчагиров. — Конец 1852 года

В половине сентября прибыл в Петровское с казенным провиантом бот «Кадыак». Командир его Шарыпов заявил мне, что вследствие ненадежного состояния бота он идти в Петропавловск не может, почему и остается на зимовку в Петровском. Вслед за ботом 23 сентября пришел из Аяна на петровский рейд с товарами и запасами компанейский корабль. А. Ф. Кашеваров уведомлял меня, что присылает всего в весьма недостаточном количестве по той причине, что сам ныне получил весьма мало, и объяснял, что посылает компанейский корабль на свой страх только ввиду того, что после корвета «Оливуца» в Аян не приходило ни одно военное судно. Вместе с тем Кашеваров предупреждал меня, что

командиру корабля не приказано оставаться на петровском рейде более двух суток. Итак, единственно по милости и добросердечию А. Ф. Кашеварова мы получили, хотя в ничтожном количестве, провизии.

По приведении всего, что у нас было, в известность оказалось, что чая, сахара и тому подобных, столь необходимых в пустыне запасов было до такой степени мало, что я оказался вынужденным разделить все это по числу лиц, находившихся в экспедиции. Водки и круп вовсе привезено не было, а товаров, потребных для туземцев, было так мало, что о выгодной торговле, которая могла бы возместить расходы казны на экспедицию (как указывало мне Главное правление Компании), и думать было нечего: их едва хватало только для командировок, то есть для вымена от туземцев корма для собак и рыбы для людей и на приобретение от маньчжуров проса и водки. Медикаментов почти никаких не было прислано.

Такая экономия имела самое неблагоприятное влияние на здоровье команд: между людьми появились болезни и в особенности скорбут. Они задержали нас в Петровском настолько, что только к исходу ноября мы могли перебраться в Николаевск. Там наши помещения были хотя и сырые, но более удобные и просторные, нежели в Петровском. Наступившая холодная и ненастная зима более и более усиливала эти болезни, и к 1 декабря трое людей не выдержали и сделались ее жертвой.

Сношения наши с местным населением становились все более и более дружественными благодаря тому, что мы не позволяли себе облагодетельствовать их нововведениями, противными складу их жизни и укоренившимся обычаям, а соблюдали во всем должную справедливость и не только не производили каких-либо насилий, но и не оставляли ни малейшей их услуги без вознаграждения. Местное население, по-видимому, понимало все это и ценило, что отчетливо выразилось в участии, которое оно выка-

зало при открывшихся между командами скорбных болезней. Местные жители охотно доставляли черемшу и другие корни, которые, по их понятиям, помогают от этой болезни.

Несмотря на все невзгоды, дух в командах и в особенности в офицерах не ослабевал. Мы надеялись, что после важных результатов наших исследований правительство даст, наконец, экспедиции надлежащие средства для достижения поставленной цели.

Нам, во-первых, предстояло окончательно разрешить пограничный вопрос, то есть определить истоки рек Амгуни и Горина, обследовать озера Самагиров и Чукчагиров и реку Бичи. Вместе с тем мы должны были прекратить злонамеренные слухи, распускавшиеся о нас на Амуре, и, наконец, приобрести от маньчжуров необходимые запасы для того, чтобы обеспечить дальнейшие командировки и исследовать Амур до реки Хунгари.

В этих видах были сделаны мною новые командировки в Приамгуньский край. Лейтенанту Бошняку я дал казака и 5 ноября отправил его с приказанием следовать на собаках по берегу реки Амгуни и стараться достигнуть ее истоков из Хинганского хребта, а оттуда проехать по направлению хребта к югу, до истока реки Горин. Затем, поднимаясь по этой реке, перевалить на озера Самагиров и Чукчагиров, осмотреть их и возвратиться по Амгуни в Петровское. Если слухи о появлявшихся в этих местах миссионерах, распускающих о нас злонамеренные басни, справедливы, то стараться внушить населению, чтобы оно подобных людей доставляло в Николаевск, за что все будут вознаграждены.

Мичману Разградскому и приказчику Березину поручалось, следуя вверх по Амуру и производя расторжку с местным населением и маньчжурами, стараться приобретать у них спирт, чай и просо; достигнув селения Кизи, Разградскому отправиться далее, до устья реки Хунгари, а Березину в Кизи ожидать прибытия Разградского. Березин должен был в это время основать склад наших товаров ввиду занятия нами этого пункта, а Раз-

градский, достигнув устья Хунгари, — осмотреть местность в его окрестностях и войти в сношения с туземцами селения Хунгари в связи с предполагаемым основанием там нашего поста; собрать сведения о пути от этого пункта к заливу Хаджи и вообще о путях, ведущих из долины Амура к побережью Татарского пролива; наконец, осмотреть правый берег Амура между устьями рек Горин и Хунгари, возвратиться в Кизи и оттуда вместе с Березиным следовать в Петровское.

На время отсутствия из Николаевского поста Бошняка и Разградского начальником поста оставался мичман А. И. Петров.

7 ноября с почтой, отправленной с тунгусом в Аян, я сообщил генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву: а) о результатах исследований Бошняка, Воронина и Орлова; б) о положительной невозможности при наших ничтожных средствах без присылки в экспедицию надлежащего судна с паровым двигателем определить лиманские фарватеры; в) об инструкциях, данных мной Бошняку, Воронину, Орлову и Разградскому; г) о несомненном присутствии золотых россыпей в верховье реки Б. Иска и в особенности в узле гор на истоках рек Амгуни, Немилена, Зеи и Буреи; д) о сделанных уже мной приготовлениях, чтобы к весне 1853 года окончательно занять постами залив Де-Кастри и ближайшее к нему на Амуре селение Кизи как первоначальные и опорные пункты, из которых согласно представленному уже мной плану начать исследование побережий Татарского пролива до корейской границы и рек Амура и Уссури; е) о намерении в ту же навигацию занять военным постом на Сахалине залив Уанды и, наконец, ж) в заключение объяснил настоящее положение экспедиции.

В частном письме от того же числа я писал, между прочим, Н. Н. Муравьеву: «Посланный к Вам Н. М. Чихачев с объяснениями о необходимости представляемых мной решительных здесь действий и обстоятельства, изложенные в предшествовавшем и настоящем донесении моем, дают всем нам надежду, что

при ходатайстве Вашего превосходительства обратят, наконец, на этот край серьезное внимание, а равно на нас, горсть людей, как бы забытую всеми и брошенную на жертву в пустыне. Не теряю надежды, что мне дадут надлежащие разрешения не к палиативным, вредным и гибельным для края действиям, а к действиям решительным, вызываемым важными обстоятельствами, встречаемыми на месте, и сообразно с этим дадут, наконец, средства для достижения важной государственной цели, которую неуклонно преследует вверенная мне экспедиция, не страшась ни тяжелой ответственности, ни опасностей, ни лишений. Только эта надежда одушевляет меня и моих неутомимых благородных сотрудников, которые с твердостью духа переносили все трудности и опасности; но всему на свете есть предел, переступать который не следует».

1 декабря 1852 года я получил из Аяна с нарочным тунгусом предписание и письмо от генерал-губернатора от 28 июля 1852 года с приложенным при нём повелением государя от 20 июня, объявленным Н. Н. Муравьеву в письме начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова. Вот сущность этого письма: «Содержание отношения Вашего ко мне от 28 апреля 1852 года, — пишет князь Меншиков, — последовавшего вследствие донесения Вам начальника Амурской экспедиции капитана 1-го ранга Невельского, я докладывал государю. Государь, вследствие объяснения канцлера графа Нессельроде, остается при желании соблюдать крайнюю осторожность и неспешность при установлении мирных и прочных сношений наших с гиляками и другими племенами, обитающими только лишь около устья Амура, о чем было уже сообщено Вам графом Нессельроде. Ныне и мне поручено повторить Вам, чтобы неспешность и осторожность были на первом плане. Государь поэтому не изволил утвердить занятие селения Кизи, лежащего на правом берегу реки Амура, и залива Де-Кастри, а также отправления экспедиции для исследования

побережья Татарского пролива и рек Амура и Уссури; что же касается до вступления в сношения с русскими, о поселении которых выше устья Сунгари имеются сведения, то государь, в отклонение вреда, который они могут принести нашим предприятиям, приказал не возбранять вступать с ними в сношения, но не иначе как через гиляков или тунгусов, как признается удобным, но отнюдь не через команды офицеров или кого-либо из приказчиков, посланных по реке Амуру или берегом. При этом предоставляется объявлять им прощение за услуги, которые будут ими оказываемы». Препровождая при предписании это повеление государя, генерал-губернатор требовал его точного и неперменного с моей стороны исполнения и писал, что в отношении русских беглых следует стараться сколь возможно скорее исполнить желание государя чрез верных нашим интересам гиляков и поспешить сообщить ему верные об этих беглых сведения.

В письме ко мне от того же числа (28 июля 1852 года) Николай Николаевич, между прочим, писал, что ожидает от меня дальнейших сведений о состоянии края, на основании которых он поспешит лично ходатайствовать в С.-Петербурге об осуществлении лишь некоторых из моих представлений, учитывая, что граница наша с Китаем должна идти по левому берегу Амура и что главный наш порт на востоке должен быть Петропавловск (на Камчатке), для которого, собственно, и полезно обладание Амуром.

Таковы были повеления, полученные мной в то время. Ясно, что в С.-Петербурге чего-то опасались, а в Иркутске придавали главное значение на отдаленном нашем востоке Петропавловску; важнейшие же вопросы, как пограничный и в особенности вопрос морской, обуславливавший важное значение для России этого края в политическом отношении, — вопросы, к разрешению которых напрягала все усилия Амурская экспедиция, были как в С.-Петербурге, так равно и в Иркутске совершенно упущены.